

Богомол ловит цикаду, но позади него притаился чиж.

В конце весны наступила горячая пора полевых работ — народ, отдохнувший за зиму, был полон сил и энтузиазма.

По пути они миновали множество городов; на обоих берегах канала царило оживление, шум и суета — настоящий облик эпохи процветания.

Чу Юань, наблюдая за этой картиной, почувствовал, как на сердце стало немного легче.

— Ваше Величество, — в этот момент евнух Сыси подошёл и набросил на плечи императора плащ. — Следующим будет город Юньшуй («Город Вод и Облаков»).

Чу Юань кивнул, не говоря ни слова, продолжая задумчиво смотреть вдаль.

Магистрат* Юньшуя по имени Лю Би был дальним родственником Лю Гуна. Хотя он занимал всего лишь должность седьмого ранга, многие при дворе ему завидовали. После открытия канала город стал узловым пунктом: сюда стекались богатства со всех сторон — соль с юга, зерно с севера, фарфор и чай с запада. Даже не беря взяток, можно было легко разбогатеть — возможности для этого встречались буквально на каждом шагу, чего не скажешь о бедных глухих уездах.

*县令 (zhī xiàn) — уездный чиновник, часто переводимый как магистрат, но по сути — глава местной администрации, совмещавший функции судьи, администратора и сборщика налогов. В иерархии — чиновник седьмого ранга (низкий, но официальный).

Узнав, что император едет на юг, Лю Би особенно не волновался. Документы у него были в порядке, в управление сидели только свои люди — круговая порука надёжно работала, так что доносов можно было не бояться. К тому же в столице оставался старейшина Лю — надёжная опора рода, которая пока не собиралась падать. Поэтому с утра Лю Би омылся, переоделся в официальное платье и, взяв с собой подчинённых, отправился встречать высокопоставленного гостя. Местные жители тоже собрались — каждый стремился хотя бы одним глазком увидеть императора.

Около полудня большой корабль наконец медленно приблизился к берегу. Ярко-жёлтые императорские флаги развевались на мачтах под порывами ветра, а по обеим сторонам палубы стояли гвардейцы с обнажёнными мечами. На солнце их клинки сверкали холодным светом, вызывая у всех невольный трепет.

— Этот слуга приветствует Ваше Величество! — Лю Би во главе толпы пал ниц, и остальные поспешили последовать его примеру.

Тем временем в небольшом дворике неподалёку Е Цзинь продолжал раскладывать травы на

просушку, словно и не слышал поднявшегося шума.

— Неужели не пойдёшь посмотреть? — Бай Лайцай никак не мог усидеть на месте.

— Хочешь — иди, я тебя не держу, — отозвался тот, поднимаясь с корзинкой в руках. — Император он или нет, но такой же человек, как все: две руки, два глаза, один нос. Не понимаю, зачем становиться на колени только чтобы на него поглазеть.

— Тоже верно... — согласился Бай Лайцай, присел на табурет, но тут же вскочил снова. — Но я всё-таки пойду! Вдруг серебро раздадут? Всё-таки сам император!

Е Цзинь снова пожалел, что когда-то его спас.

Чу Юань сошёл с корабля. Лю Би, сияя радушной улыбкой, поднял голову:

— Ваше Величество!

Наступила тишина. Некоторые смельчаки украдкой взглянули на императора и невольно ахнули: он был необычайно красив. Тёмные волосы, собранные под нефритовой короной, ясные, как звёзды, глаза, прямой нос... Вся его осанка излучала благородство и внушала почтение, отчего люди поспешно опускали головы, не осмеливаясь смотреть дольше.

— Поднимитесь, дорогой чиновник, — Чу Юань подошёл и сам помог ему встать.

Лю Би улыбался во весь рот, лицо его сморщилось. Он тут же поприветствовал остальных:

— Главный евнух Сыси, генерал Шэнь Цяньфань.

— Юньшуй оживлённый и процветающий город, — сказал Шэнь Цяньфань. — Господин Лю действительно хорош в управлении.

— Генерал слишком любезен, — ответил Лю Би, скромно покачивая головой. — Это всего лишь моя обязанность. Просто делаю свою работу. — Он отступил в сторону, освобождая дорогу: — В поместье уже накрыт стол.

В толпе один старик, лузгая семечки, с интересом вытягивал шею, наслаждаясь зрелищем. Только когда процессия скрылась, а народ начал расходиться, он нехотя побрёл домой.

— Что, денег не дали? — ехидно заметил Е Цзинь, увидев его унылый вид.

— Неужели наш император такой скупой? — Бай Лайцай плюхнулся на скамью и сердито добавил: — Выглядит-то он как ты, лекарь. Вот я и подумал, что он такой же добросердечный человек и, может, серебра отсыплет. Но нет — ни монетки, да даже хлеба — и того не раздали.

— На кого, ты сказал, он похож? — В глазах Е Цзиня сверкнула ярость.

— На меня! На меня! — моментально выкрутился старик.

Молодой человек фыркнул, высокомерно задрал подбородок и удалился в свою комнату.

— Вот ведь злющий какой... — пробормотал Бай Лайцай, потирая грудь.

□□□

Поскольку Чу Юань не любил бессмысленной расточительности, Лю Би не решился устраивать пышный приём. Хотя блюд было много, все они были простыми и домашними, а вино — самым распространённым, шаосинским жёлтым. Император поговорил с собравшимися об изменении направления канала, но на другие темы не переходил и вскоре удалился в покои, даже не вызвав остальных чиновников.

Лю Би облегчённо выдохнул. Он ждал проверок, допросов — но ничего такого не последовало.

Согласно первоначальному плану, Чу Юань должен был задержаться в городе всего на два дня, а затем отправиться дальше на юг — в город Цянье («Город Тысячи Листьев»). Однако, по-видимому, из-за ветра на реке он простудился, и уже на второй день у него поднялась температура. Придворные врачи лечили его пять дней, прежде чем ему стало немного лучше.

— Говорят, император простудился, — Бай Лайцай поддел Е Цзиня локтем. — Может, предложишь свою помощь? Глядишь — вылечишь, и возьмут ко двору!

— Я?! Придворным лекарем?! — Е Цзинь швырнул в его сторону ковш с отходами шелкопрядов и вскинул руки на бёдра. — Хорош мечтать!

Старик, прижав руки к голове, бросился прочь со двора.

«Сегодня он прямо людоед... »

Лю Би был встревожен. Он не боялся того, что Чу Юань действительно серьёзно болен — в конце концов, это была всего лишь простуда. Однако его беспокоило другое: а что, если

простуда — это всего лишь притворство? И если это так, то какова истинная цель происходящего?

— Господин излишне тревожится, — спокойно сказал Лю Мань, управляющий администрацией*, который был гораздо более хладнокровный, чем его собеседник. Он сложил руки в рукава и добавил: — Император болен, и наш единственный долг — заботиться о нём. Всё остальное — праздные мысли.

*衙門 (yá mén) — местная администрация, управа (в имперском Китае - орган власти).

Лю Би хотел возразить, но не решился. Он не понимал, что задумал Лю Мань — и от этого тревожился ещё больше. Даже ночью, ворочаясь, не мог уснуть, чем вызвал недовольство наложницы. Но только едва задремав под утро, он был грубо вытасчен из постели императорской гвардией.

— Генерал Шэнь! Что происходит?! — закричал он.

— Схватить изменника и бросить в темницу, — холодно приказал Шэнь Цяньфань.

— Изменника?! — магистрат побледнел от ужаса. Он хотел возразить, но солдаты жестоко вывихнули* ему челюсть и потащили в камеру.

*卸臼 (xiè diào xiàba) — букв. «снять челюсть» — жестокий приём, чтобы жертва не могла говорить (в реальной истории так поступали с особо опасными узниками).

Императорская гвардия оцепила здание. Прохожие, заметив это, были крайне озадачены и не понимали, что происходит. Вернувшись домой и посоветовавшись с жёнами, многие решили: вероятно, всплыли какие-то преступления Лю Би за последние годы, и потому император велел его арестовать. Лишь к вечеру распространилась новая весть: в еде, поданной императору в доме Лю, придворные врачи обнаружили яд.

Отравить императора... Услышав это, народ побледнел. Как кто-то мог осмелиться на такое преступление — преступление, за которое карают весь род и уничтожают все девять поколений семьи?

Когда новость дошла до Е Цзиня, Бай Лайцай осторожно спросил:

— Императора отравили... — Бай Лайцай покосился на Е Цзиня. — Ты как лекарь не собираешься его осмотреть?

Е Цзинь с силой швырнул пестик*:

— А я с ним, что, знаком, что ли?

*研 (yàn chǐ) — пестик (для растирания лекарств в ступке).

— Да в этом мире больных — как песка у моря! Разве можно быть со всеми знакомым? Кто заболел — того и лечишь.

Но Е Цзинь всё больше раздражался от его болтовни и в конце концов предпочёл выйти прогуляться, чтобы проветрить голову.

Тем временем уездная управа была уже окружена не только императорской гвардией, которую привёз Чу Юань, но и войсками, вызванными Шэнь Цяньфанем из других гарнизонов.

Услышав новости, Е Цзинь сначала растерялся, но затем кое-что понял: если бы отравление было неожиданным, как бы сумели так быстро стянуть столько войск, чтобы схватить предателя? Как будто о преступлении уже знали заранее — и лишь ждали подходящего момента.

«В детстве он притворялся больным, лишь бы позлорадствовать надо мной. Вырос — но остался таким же. Сочувствовать такому человеку бессмысленно!»

— Хм! — фыркнул он и с досады направился в лапшичную.

— Ваше Величество, — докладывал Шэнь Цяньфань, — признание получено. Лю Би поставил печать. Я немедленно отправляюсь в столицу.

Император кивнул:

— Это путешествие опасно, благодарю за службу, генерал Шэнь.

— Это мой долг, — ответил мужчина. — Но если князь Синаня всё ещё в столице...

— Он не посмеет помешать, — прервал его Чу Юань. — А если вздумает ослушаться — пусть сам приезжает в Цзяннань разбираться со мной.

— Как прикажете.

Покинув кабинет, Шэнь Цяньфань во главе со своими людьми тайно выехал в столицу.

Лю Би, не выдержав мук совести, покончил с собой в тюрьме. Его семью в полном составе сослали на остров Хайнань, а через десять дней новый уездный начальник вступил в

должность. Городская стража была заменена гарнизонными солдатами*, которые теперь досматривали каждого входящего и выходящего так тщательно, что даже муха не могла пролететь незамеченной. В городе воцарилась гнетущая атмосфера — даже воздух казался густым от напряжения.

*Новые солдаты не знают горожан в лицо, поэтому досмотр жёстче.

Е Цзинь задумался: не уехать ли на время, пока всё не утихнет.

— Лекарю нельзя уезжать, — Бай Лайцай схватил его за рукав, не давая уйти. — Прошлой ночью я наблюдал небесные знамения...

— Ты ещё и за звёздами умеешь следить? — фыркнул Е Цзинь.

— Конечно умею. И знаешь, что я увидел? Овца попадёт в волчье логово.

Е Цзинь покачал головой:

— Если бы ты так гадал на улице — гроша бы не заработал. Даже если не умеешь плести медовые речи, мог бы хоть что-то обнадеживающее сказать. Что ещё за «овца в волчьем логове»? Кто так говорит?!

— Император конфисковал имущество Лю Би, — понизив голос, сказал старик, — а денег-то там оказалось подозрительно мало. А ведь вор был знатный — и перо без податей не пролетало.

— К чему ты клонишь? — нахмурился Е Цзинь.

— А ты у нового начальства, у господина Цзэна, командира юго-западного гарнизона, спроси, куда остальная часть подевалась. Он, пожалуй, знает об этом больше, чем говорит, — продолжил Бай Лайцай, лузгая семечки.

Е Цзинь резко вскочил.

— Говорят, генерал Шэнь уже отбыл в столицу, — добавил Бай Лайцай, — Лю Би мёртв, но кто сказал, что прежней управой заправлял только он?

Молодой человек с раздражением топнул ногой и выбежал со двора.

В кабинете новоназначенного уездного начальника Линь Юна схватили, связали по рукам и ногам и бросили в темницу.

За одну ночь большая часть юго-восточного гарнизона внезапно перешла на сторону мятежников и в полном молчании окружила резиденцию, в которой находился Чу Юань, лишив его свободы.

Император стоял в саду, заложив руки за спину, и холодно смотрел на Лю Маня и командира Цзэн Сюаня.

— Как вы смеете! — воскликнул евнух Сыси, заслоня собой Чу Юаня. — Немедленно прекратите!

Лю Мань слащаво произнёс:

— Раз уж всё так сложилось, прошу Его Величество немного задержаться у нас. Подождём новостей из столицы — а там уже и решим, как быть.

— Прекрасно, — холодно бросил Чу Юань, не удостоив его и взглядом. Всё это время он смотрел только на Цзэн Сюаня. — Я действительно недооценил тебя.

Цзэн Сюань молчал. Его лицо побледнело. Когда-то он был всего лишь поваром в восточно-южном гарнизоне, и лишь благодаря покровительству Чу Юаня поднялся до звания командира. Но чем больше власти оказывалось в его руках, тем сильнее в его сердце разгоралась жадность — и в конце концов он оказался в руках Лю Би, собравшего на него компромат. А Чу Юань всегда был беспощаден к коррумпированным чиновникам. Понимая, что всё равно обречён, Цзэн Сюань был вынужден вступить в сговор с Лю Би — но не ожидал, что всё обернётся таким образом.

Теперь, оказавшись в одной лодке с предателями, он мог лишь стиснуть зубы и грести вперёд — даже если впереди ждала гибель.

<http://bllate.org/book/14135/1244319>